

ОТ АВТОРА

Федор Федорович Ушаков (1745–1817) и Павел Степанович Нахимов (1802–1855) в начале XXI столетия возглавляют символический список великих отечественных флотоводцев, подобно тому как Александр Васильевич Суворов (1730–1800), Михаил Илларионович Кутузов (1745–1813) и Георгий Константинович Жуков (1896–1974) лидируют в перечне великих отечественных полководцев.

Свидетельства тому — монументы в честь этих адмиралов, корабли с их именами на борту, портреты на орденах и медалях, присвоение их имен учреждениям в качестве признания заслуг, обязательное упоминание в учебниках, посвященные им кинофильмы и литературные произведения, а также множество других коммеморативных актов с использованием их образов. Характер упоминаний о личности и деятельности этих военачальников, ритуализация посвященных им мемориальных мероприятий, тенденция к канонизации текстов о них позволяют говорить о возникновении «культы Нахимова» и «культы Ушакова».

В книге предпринимается попытка рассмотреть процесс становления этих культов в контексте генезиса российского военно-исторического мифа. Термин «миф» здесь означает не набор небылиц, а приемлемый для подавляющего большинства россиян взгляд на прошлое, один из инструментов формирования национальной (государственной) идентичности.

Национальной историографии свойственна героизация, обожествление прошлого России, в том числе военного. Имена полководцев и героев, названия мест, где происходили судьбоносные для страны или нации сражения, в сознании большинства наших

соотечественников составляют знаковый, символический ряд, который формирует щадящую самолюбие картину минувшего. Для россиян Куликово поле, Полтава, Гангут, Севастополь, Порт-Артур, Брестская крепость — не географические объекты, а ключевые слова для мемориальных кейсов. Такую же роль играют Александр Невский, Иван Сусанин, Михаил Кутузов, Семен Буденный, Александр Матросов. Эти топонимы и личные имена образуют неформальный иерархический ряд, тасуемый время от времени в зависимости от политической и социокультурной обстановки.

Подобно тому как верующие поклоняются общецерковным и местным святым, складываются мемориальные комплексы героев общероссийского ранга и тех, кого помнят и чтят главным образом там, где они родились или совершили подвиг. Это отчетливо отражается в топонимике: во всех городах России наряду с улицами, названными в честь людей, известных всей стране, есть такие, что носят имена героев, знакомых в основном жителям данной области или даже района. С этой точки зрения Нахимов и Ушаков являются именами-символами для всей России, а до 1991 года они имели «всесоюзное значение».

Коммеморативный процесс в нашей стране резонно делить на три периода: имперский, советский и постсоветский. Границы между ними проходят по глубоким политическим разломам 1917 и 1991 годов. Каждая из этих эпох отличается особыми условиями и приемами актуализации событий прошлого, применения исторических аргументов в политических дискуссиях. При всей несомненной преемственности коммеморативных практик трактовка отечественной истории, принятая ныне в России, отлична от той, что практиковалась империей Романовых и СССР. И символы ныне используются иные. Двуглавый орел как главный элемент государственного герба исчезал и возвращался, военный парад сохранял свое значение маркера годовщин важнейших событий от Петра Великого до Путина. Монументы, историческая литература и живопись, учебные курсы, топонимика, юбилеи, награды, памятные монеты и многие другие культурные феномены на протяжении трех последних столетий представляют колоссальный по объему и разнообразию материал о конкуренции (порой весьма острой конкуренции, если не сказать — борьбе) за выгодные позиции в символическом пространстве.

Естественное (поколенческое) смещение фокусов общественного внимания, социокультурные трансформации вели к корректировке

представлений о делах минувших дней, о степени величия и заслуг того или иного исторического персонажа. Политические потрясения во многих случаях влекли за собой ревизии исторического наследия с радикальными переменами в символическом пространстве. Соответственно свергались с пьедесталов одни культовые фигуры, а на их место возводились другие. Но даже радикальные переоценки ценностей не разрушали некоторых элементов, общих для всех трех периодов: формирование образа великой державы, обоснование прав на вошедшие в ее состав территории, комплементарная оценка отечественного исторического опыта, преемственность акторов (участников) коммеморации.

Это общее, оказавшее прямое или косвенное, едва заметное или определяющее влияние на становление образов «великих адмиралов», заставляет отказаться от традиционного разделения на главы. Вместо этого читателю предлагаются очерки, вычленяющие и анализирующие факторы, под воздействием которых и сложились нынешние представления о легендарных флотоводцах.

Деление на тематические очерки объясняется и значительной разницей в приемах коммеморации. Славу не измеришь приборами, не выразишь единицами, какими-нибудь там «глоториями», с кратными приставками «кило-» и «мега-». Не подлежит инструментальному измерению в «мемориях» и «киломемориях» историческая память. Портрет на почтовой марке и помпезный памятник в центре города, наименование улицы и общегосударственный юбилей — очень разные формы актуализации по своему символическому весу, по составу акторов, по длительности и силе воздействия на умы. Одни мемориальные объекты обладают «вневременным» характером, другие практически не отделимы от своих эпох, третьи — скороспелый продукт политической конъюнктуры. Адмирал Ушаков и адмирал Нахимов принадлежали разным эпохам и «мерялись славой» не в реальной жизни, а в культурной памяти России. Все это вольно или невольно подводит нас к понятию *коммеморативного многоборья*, промежуточные и конечные результаты которого позволяют оценить исторический образ и процесс его сотворения.

Эта книга — об акторах и факторах формирования образа прошлого в дореволюционной, советской и постсоветской России.